

«БОЕВАЯ РАДУГА НОВОЙ КУЛЬТУРЫ» (АНАРХО-МИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРОВИНЦИИ)

Статья посвящена краткой истории существования нижегородской группы анархо-мистиков (1925–1930). Эта организация как часть довольно разветвленной подпольной сети, созданной при деятельном участии выдающегося русского анархиста масона А. А. Карелина и его ближайших сподвижников, с одной стороны, представляла собой довольно беспомощную оппозицию формирующемуся авторитарному режиму, а с другой – попытку по-своему преодолеть традиции политического анархизма, прошедшего через глубокий исторический кризис в послеоктябрьские годы. Статья основана на материалах из фонда ВЧК-ОГПУ-КГБ, недавно переданных в Центральный архив Нижегородской области (сведения по делу 21446 по обвинению В. Бера вводятся в научный оборот впервые).

Создание индустриального общества в России, начатое при царском режиме и продолженное с еще большим размахом при Советской власти, вызвало к жизни новые формы духовного освоения и оправдания действительности. Радикальное внедрение индустриальных методов и средств материального производства сопровождалось болезненной ломкой традиционных православных устоев жизни и широким распространением в социальном пространстве страны различных еретических, мистических, оккультных течений. В последнее время в научной и популярной литературе появляется большое количество материалов о различных интеллигентских квазимасонских (или парамасонских) группах, преимущественно столичных [1, 2]. Между тем и в провинции деятельность посвяtitельных «орденов» и мистических «братств» проходила вполне оживленно, и сроки за это получались не меньшие.

Одной из ячеек пестрой эзотерической «сети», полуподпольно создаваемой в противовес «властной вертикали» молодого советского государства, был нижегородский *Орден Духа*, объединивший группу молодых интеллигентов. «Рыцарский» орден в поволжском городе создавался энергичными усилиями московских наставников из окружения известного российского анархо-коммуниста и анархо-мистика Аполлона Андреевича Карелина (1863–1926). Одним из апостолов нового учения на нижегородской земле стал Владимир Бер, учившийся какое-то время на химическом факультете местного университета. В 1924 г. он познакомился со своими университетскими однокашниками с агрономического факультета Николаем Матюшиным, Юрием Ковлейским, Михаилом Владимировым и другими молодыми людьми, введя в их круг эмиссара из Москвы математика А. С. Пастухова. Трудно установить реальное количество членов «орденского» кружка: в заключении по делу об участниках нижегородской «к-р [контрреволюционной] анархо-мистической организации», подписанном 30 октября 1930 г., фигурировало 13 человек (М. А. Владимиров, С. Н. Раева, В. В. Бер, Е. В. Постникова, Н. А. Матюшин, Е. И. Дрейман, Ю. П. Ковлейский, А. А. Серкина-Копашина, А. М. Коноплянцев, М. М. Пальмов, И. В. Римский-Корсаков, В. Э. Мичурин, Л. Л. Шорчева) [2], однако, как следует из материалов следствия, последние двое из

указанного списка имели личные связи с «рыцарями», но сами в «орденской» структуре не состояли.

Один из создателей и руководителей нижегородской анархо-мистической организации В. Бер уже в мае 1925 г. был приговорен к трехлетней ссылке в Среднюю Азию за «распространение антисоветской литературы среди студенчества» [3, л. 58–59] (именно эта литература, вероятно, и определяла идеологическое лицо «рыцарей» *Ордена Духа*).

Что же представляла собой духовная пища молодых анархо-мистиков? В деле Владимира Бера содержатся материалы, что-то вроде машинописного самиздата 1920-х гг., которые раскрывают анархистскую точку зрения на происходящие в стране и мире события. Весьма самокритично описывается роль анархизма в российских революционных событиях в листовке *«Молодые люди и Анархизм»*. Автор, подписавшийся псевдонимом Альфа, сетует по поводу «вечно новой истории», когда «вчерашние по молодости «революционеры» неизбежно превращаются в «сегодняшних реакционеров», когда ярые некогда анархисты пошли на службу в ЧК или устроились в этой жизни в качестве инженеров, агрономов, трестовых дельцов или спекулянтов [3, л. 6]. Анархизм не одержал победы, принеся себя в жертву новому революционному сдвигу, однако «было сделано то, что можно и нужно было сделать»: в противном случае либо восторжествовала белая контрреволюция, либо массы отвернулись бы от революции и «диктатура была бы еще тяжелей» [3, л. 6 об.]. «Теперь анархисты частью расстреляны, частью погибли по застенкам или тюрьмам, частью заполняют их, медленно умирая», однако приближаются новые величайшие события, которые возлагают ответственность на молодежь, сохранившую преданность анархистским идеалам [3, л. 6]. «Так будем готовить себя к настоящему революционному делу, после которого не осталось бы камня на камне от зверинца государств» [3, л. 6 об.], – призывает автор листовки своих единомышленников.

В материале *«Свобода, государство и анархия»* идет идейная борьба против «зараженной и искаленной мысли государствоведов», всеми силами насаждающих в обществе фетиш государственности. «Только анархический строй, – провозглашается в статье, – может открыть простор для того, чтобы вырабатывались люди, а не игрушки обстоятельств. Жизнь не по указке и не под влиянием импульсов, исходящих извне, а при постоянной напряженности всех сил и с готовностью нести все последствия принятых решений – вот обстановка и жизненная среда анархии, и только она может подготовить появление настоящего человека и создать сильную людскую расу, которая сразу изменит воззрения на задачи и темп исторического прогресса» [3, л. 7 об.]. Два других анонимных документа – *«Цель анархистов»* [4, 5] и пьеса *«Анархисты»* – представляют собой программно-политическое и литературное изложение взглядов А. Карелина и его анархо-коммунистических соратников. Примечательно, что в обеих работах соблюдена политкорректность по отношению к правящей партии: «Если большевики, называющие себя коммунистами, уйдут от власти, она будет захвачена какой-либо другой общественной группой – вернее всего, монархически настроенной частью буржуазии и старого чиновничества» [3, л. 12 об.]. Отсюда отказ помогать «реакционной швали» и готовность не мешать большевикам.

Если все названные образцы самиздата пропагандировали положения *политического анархизма*, то в *«Очерках не-современной психологии»* уже

намечается приближение к проблемам *анархизма мистического*. Незвестный автор полемизирует со стереотипами так называемой современной психологии («психологии «фаустовской» культуры денег, власти и машин»), направляя свой анализ «вглубь – к данным, которые могли бы послужить основанием культуры, иной, чем культура танков, счет и декретов» [3, л. 14]. Рост производительных сил общества не является самоцелью, это лишь средство для выполнения высших задач культуры данного общества. Проблема тесной взаимосвязи хозяйственных и духовных сверхзадач не получила достойной разработки ни в религиозно-сектантских учениях, ни в социалистических концепциях, в том числе и у анархистов. Большевики интуитивно осознают необходимость создания новой культуры, однако они организуют страну диктаторскими методами, и это может привести в будущем к глубочайшей реакции, которая «оторвет Россию от жизни и... бросит в потусторонние грезы» [3, л. 17 об.]. «Перед лицом этой перспективы Россия, «града грядущего взыскующая», – анархическая или анархо-сектантская, рационалистическая или гностическая, – должна ввести в самый порядок представлений своих расчет и темп культурных ускорений в технике, общественном хозяйстве, установке индивидуальностей и групп, развертывании идеалов» [3, л. 17 об.]. Традиционные политические и религиозные организации не справились с новыми вызовами истории, поэтому иные силы понесут ускорение в отсталую среду, «преломляя через настроения и образы этих ускорений свои общественные и религиозные устремления» [3, л. 18]. Примечательно, что в качестве примера такой альтернативы называются франкмасоны [3, л. 18]. «Наша «трудовая» интеллигенция, – пишет автор «Очерков», – напуганная безобразиями господствовавшей церкви, отмахивается и руками и ногами от гностических символов, не пытаясь их и понять. Она губит этим колоссальные творческие силы русского сектантства, заставляя его жить представлениями, далекими от современности. Если она захочет исправить эту ошибку и в то же время поймет момент, она даст своеобразную историческую попытку развернуть боевую радуго новой культуры, от материалистического бакунизма до гностического «озера Светлояра». Но захочет ли она?» [3, л. 18 об.].

В интеллигентских кругах оказалось немало людей, готовых положительно ответить на этот вопрос, хотя и не так уж много, чтобы реально влиять на «более отсталую среду» и успешно конкурировать с «социальным материализмом», взятым на вооружение большевиками. С самого начала деятельность нижегородских интеллигентов, организовавшихся в *группу мистиков-анархистов*, приобретает явную политическую окраску и подпольную направленность. Уже на первом собрании (летом 1925 г.) шли разговоры не только о «светлом» и «темном» мистицизме, но и – одобрительно – об «эсеровщине», о Савинкове, о Национальном центре, о политическом анархизме [6, л. 41 об.]. Тогда же поставлены конкретные практические задачи: наладить связи с московскими соратниками, приступить к вовлечению в свои ряды новых единомышленников, вести пропаганду анархо-мистических идей. Речь шла о легальных методах оппозиционной деятельности, однако не забыли и о конспирации: решено собираться не более чем всемером [6, л. 42].

Впрочем, идейно-политическое лицо нижегородской группы окончательно так и не сформировалось. Позднее в своих следственных показаниях Михаил Владимиров довольно путано писал: «...по своему существу наша организация была контрреволюционной, антисоветской, хотя, по моему мне-

нию, блок со всеми партиями, в т[ом] ч[исле] заграничными, отрицался. Я от кого-то слышал, что мы (организация анархистов-мистиков) должны быть союзниками анархистов других течений, хотя они как будто бы были настроены против мистического анархизма. Можно сказать, что мы были фракцией анархистов» [6, л. 98].

Не имея сил и средств для участия в традиционно-политическом оппозиционном движении, антибольшевистски настроенная интеллигенция попыталась реализовать себя в эзотерической ипостаси. В качестве альтернативы «упадку культуры, интересов у людей на земле, в частности в СССР», московские идеологи анархо-мистицизма и их нижегородские последователи развивали идею мистического преображения человечества и связанной с этим рыцарской миссией членов «орденских отрядов». В 1925–1926 гг. наши наиболее подготовленные мистики-анархисты обретают себя в новом качестве, получив посвящение в «*отряд рыцарей Ордена Духа*» (другое название – «отряд ордена Рыцарей Духа»). Первым нижегородским «рыцарем» стал Кирилл Башкиров, а вслед за ним – часто при его прямом посвятельном участии – А. Серкина, Ю. Ковлейский, Н. Матюшин, С. Раева, Е. Постникова, Е. Дрейман и М. Владимиров. Основой «посвятельного» ритуала было рассказывание (чтение запрещалось) легенды мистического содержания. «Посвящение, – вспоминала Анастасия Серкина, – начиналось словами: «Рыцари круга, замыкайтесь». Все вставали, затем садились опять. Содержание легенды хорошо не помню. Помню только, что там говорилось о лестнице, о вхождении на лестницу. По окончании легенды опять все вставали, рассказчик говорил: «Рыцари круга, замыкайтесь». Все садились и начинали говорить о чем угодно, только не о легенде, в этот вечер говорить о легенде не полагалось...» [6, л. 316]. Перед посвящением полагалось незаметно пробраться в церковь и провести там ночь в приготовлениях. Однако даже москвич А. С. Пастухов не смог толком разъяснить неопитам ритуальные тонкости, поэтому на практике они не соблюдались [6, л. 145 об.].

Самые надежные нижегородские «рыцари» после испытательного срока получили еще одно повышение – они вошли в *Орден тамплиеров*, который представлял собой высший этаж парамасонской организационной лестницы, возведенной Аполлоном Карелиным и другими посвященными. В частности, в сентябре 1929 г. Михаил Владимиров посвящен в рыцари Ордена тамплиеров московским профессором Н. И. Проферансовым, который входил в число высших руководителей этой структуры. Тамплиером стала также Софья Раева и, возможно, Михаил Пальмов.

В разговоре с молодым нижегородцем Н. И. Проферансов охарактеризовал Орден тамплиеров (и Орден Духа как его составную часть) как мировую организацию, ведущую борьбу со всякой властью. Еще в 1915 г. на Парижском съезде Ордена тамплиеров якобы было принято решение о распространении орденой деятельности на Россию, Индию и Китай. По словам профессора, в январе 1930 г. должен был состояться тамплиерский съезд в Москве, на который вновь посвященный Владимиров тоже был приглашен, но не сумел приехать по семейным обстоятельствам [6, л. 67–68].

Судя по всему, нижегородцам, в отличие от их столичных наставников, не удалось создать вполне «мистическую» атмосферу в своем кружке, хотя они стремились по мере сил и возможностей следовать «орденской» традиции как в ритуалах, так и в своем литературном творчестве. В частности, в

местном самиздате вращались не только произведения А. Карелина, А. Солоновича и прочая эзотерическая литература из Москвы, но и мистические стихотворения М. Владимирова, а также рукопись В. Бера «Материализм», в которой он выступает против указанного философского направления с позиций субъективного идеализма. В целом, по свидетельству Ю. Ковлейского, мистический анархизм Ордена Духа был очень слабо выражен, и все покрывалось сплошной мистикой, которая «представляет из себя сбор различных положений из самых различных религий и отрицает и даже ведет борьбу с так называемой официальной церковностью, особенно католической» [6, л. 327 об.]. Аморфность идейных принципов и неопределенность путей практического осуществления мистических целей не могли содействовать созданию жизнестойкой организации. Как только первоначальный интерес к высоким материям стал угасать, кружок распался. Последней каплей стало поведение Ю. Ковлейского, который, разочаровавшись в «выдуманной оккультной покладке» Ордена, продолжал приходить на собрания, причем иногда в нетрезвом виде, ради Екатерины Дрейман, за которой он ухаживал. Скандальное поведение одного из «рыцарей» даже стало причиной поездки М. Владимирова в Москву для консультации с Н. И. Проферансовым, курировавшим нижегородскую организацию [6, л. 104–105]. В апреле 1928 г. «орденские» встречи прекратились, и, хотя уже осенью того же года пошли разговоры о возобновлении совместной деятельности, больше ни одного общего собрания (если верить М. Владимирову) не проводилось [6, л. 104–105].

Квазиорденская риторика и символика в условиях провинциальной советской России не могли иметь серьезного социального значения, если не считать того, что «рыцарская» романтика давала психологическое удовлетворение особенно экзальтированным особам, тем более что посвященных «рыцарей» в Нижнем Новгороде были считанные единицы. Между тем за «эзотерическим» чудачеством оформлялась реальная политическая и культурная оппозиция новой власти, которая вдохновлялась вполне земными причинами: потерей материального достатка (большинство нижегородских анархо-мистиков происходили из зажиточных в дореволюционном прошлом семей), неприятием «материалистического» засилья в духовной жизни, насильственным высокомерием власти по отношению к интеллигенции и крестьянству. Однажды в разговоре с М. Пальмовым Владимиров очень выпукло обрисовал политические задачи своего кружка: «Каждый анархист должен войти в какую-либо часть общества с целью изучить настроение массы, чтобы затем вести работу для окончательной победы духа. В России, стране аграрной, приходится пользоваться современной колхозной кампанией и через противодействие ей при помощи агрономов (отметим, что сам Владимиров и некоторые его соратники закончили агрономический факультет Нижегородского университета – В. С.), а также сектантов, являющихся проводниками духа, вести контркампанию хотя бы о преимуществах индивидуального хозяйства. Необходимо бить правительство экономикой, возможно, на... продовольственном кризисе, т.к. интеллигенцию и крестьянство может расшевелить только экономика и религия» [6, л. 143]. Главной целью является «установление абсолютной свободы духа», но для выполнения этой задачи, поскольку в России «привыкли к тирании, как царской, так и советской», необходимо создание, хотя бы временно, «крепкого правительства» из руководителей анархо-мистического движения и тамплиерских структур [6, л. 143].

Таким образом, анархист проектирует замену авторитарного советского государства другим *государством* неопределенной политической ориентации подобного типа. Подобные планы, которые, вероятно, не являлись авторским замыслом нижегородского активиста, проясняют как негативное отношение к «мистикам» идейных анархистов, о чем упоминалось выше, так и заинтересованность со стороны органов государственной безопасности.

Владимиров и его единомышленники не ограничились разговорами. По его признанию, в конспиративной деятельности развивались следующие «линии»:

– «литературная»: участие в собраниях как официальных, так и неформальных литературных кружков (в частности, в Краеведческом обществе, в кружке при профсоюзе торговых служащих, а также в кружке выпускника Высших литературных курсов Виктора Мичурина), «чтение своих стихотворений и литературные споры, в которые вплетались мистические рассуждения»;

– «агрономическо-интеллигентская»: пропаганда оппозиционных идей в среде сельских специалистов, с тем чтобы «обработанные» в нужном духе агрономы продолжили распространение анархо-мистической идеологии непосредственно в крестьянской среде. Здесь же следует упомянуть попытку создания легального(!) «кружка богоискателей», который должен был готовить пропагандистские кадры – так называемых «странников» – для нового хождения в народ;

– «сектанство»: стремление найти опору в религиозно-еретической среде, а именно в общинах адвентистов и евангелистов, поскольку первые как будто имели много родственного с мистиками, а вторые казались близкими к толстовству [6, л. 93 об.].

В сферу идеологической «обработки» анархо-мистической группы попало в общей сложности несколько десятков человек, хотя далеко не все из них оказались восприимчивыми к причудливой смеси оппозиционно-политических и оккультных идей. Особенно стойкими оказались «догматики»-сектанты: они даже попытались осуществить контрпропаганду и вовлечь в свою веру анархизирующих городских интеллигентов!

Трудно сказать, чем могла закончиться конспиративная деятельность нового отряда «критически мыслящих» интеллигентов, особенно во взрывоопасную эпоху насильственной коллективизации, однако нижегородская группа мистиков-анархистов так и не успела приступить к реальной «контрреволюционной» деятельности. В деле упоминается немного фактов (не считая разговоров и утопических планов), которые могут «потянуть» на такую характеристику: в 1928 г., по словам С. Раевой, она «положила или расклеила» листовки в защиту религии в клубе торговых служащих, а в 1929 г. в ночь на Пасху наклеила листовку на Варварской церкви [6, л. 75] (в следственном деле сохранилась копия прокламации, призывавшей сограждан сплотиться вокруг церкви, «униженной, но всемогущей уничтожить второе крепостное право ВКП(б)» [6, л. 350]).

Между тем аресты «рыцарей» Ордена Духа прошли значительно позже – в июне–сентябре 1930 г. Позднее для выяснения связей нижегородцев с московскими «кураторами» подследственных перевели в столицу, в Бутырскую тюрьму. 30 октября того же года подписано заключение, в соответствии с которым членам нижегородской анархо-мистической группы инкриминировались статьи 58/10 и 58/11 Уголовного кодекса. По приговору Особого совеща-

ния при Коллегии ОГПУ Михаил Владимиров получил 5 лет заключения в лагере на Соловках. Раева, Постникова и Дрейман были осуждены на 3 года лагерей. Остальные на 3 года сосланы: Римский-Корсаков, Мичурин, Ковлейский и Пальмов – в Казахстан, Серкина – в Западную Сибирь, Матюшин – на Урал. Такой же диапазон – от пяти лет тюрьмы до трех лет ссылки – был определен и для членов «родственного» кружка в Москве, носившего название Орден Света, аресты в котором начались примерно в то же время [33]. Вероятно, именно причастность нижегородцев к разветвленной антисоветской сети и стала причиной для столь суровых приговоров, несоизмеренных со скромной оппозиционной деятельностью провинциальных «профанов». Власть не могла приступить к полномасштабной реализации своих планов индустриального преобразования народного хозяйства, не устранив препятствий как внутри правящей партии, так и в склонном к анархистским увлечениям российском обществе.

Список литературы

1. **Никитин, А. Л.** Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России: Исследования и материалы / А. Л. Никитин. – М., 2000.
2. **Брачев, В.** Чекисты против оккультистов / В. Брачев. – М., 2004.
3. ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 21446. Л.
4. **Карелин, А.** Манифест анархистов-коммунистов / А. Карелин // Волна. – 1924. – № 49.
5. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. : в 2-х т. – М., 1999. – Т. 2.: 1917–1935 гг. – С. 444–458.
6. ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 17900.